

П. В. Анненков

О значении художественных произведений для общества

Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. -- М.: Искусство, 1982.-- (История эстетики в памятниках и документах).

OCR Бычков М. Н.

Несмотря на разнообразие требований и стремлений нашей современной критики изящного, можно, кажется, усмотреть два основные начала в ее оценке текущих произведений словесности. Начала эти и прежде составляли предмет деятельной полемики между литераторами, а в последние пять лет они обратились почти в единственный серьезный вопрос, возникавший от времени до времени на шумном поле так называемых обзоров, заметок, журналистики. Начала, о которых говорим, по существу своему еще так важны в отношении к отечественной литературе, еще так исполнены жизни и значения для нее, что там только и являлось дельное слово, где они были затронуты, там только и пропадали личные страсти и легкая работа присяжного браковщика литературы, где они выступали на первый план. Спешим сказать, что начала эти были: идея о *художественности* произведений и идея о *народности*. Посильное определение их с одной стороны, а с другой стороны, сомнение в возможности и пользе определения их составляли и составляют доселе спорный пункт в критике, имеющий силу тотчас же изгонять из нее систему личных, произвольных мнений, объясняющих всегда более темперамент и характер рецензента, чем самое дело. Без этого спорного пункта статьи рецензентов могли служить, с редкими исключениями, только успешным средством для изучения их самих, а совсем не предмета их исследований. Само собою разумеется, что и умы читателей вращались в том же кругу, упавая тотчас, как выходили из него в сферу симпатий и антипатий критиков, в сферу их умственных привычек, а иногда и в сферу их частных дел...

Ограничимся вопросом о художественности. Почему считаем мы его жизненным вопросом для отечественной литературы, пред которым все другие требования, как, например, нынешнее требование идеального обращения с природой и обществом, кажутся нам требованиями второстепенной важности? Ответ будет заключаться в нашей статье, и мы нисколько не скрываем от себя возражений, какие могут быть сделаны заранее против цели и самой мысли ее. Разве понятие о художественности в произведениях искусства с самого появления своего в тридцатых годах текущего столетия не было исследовано, что называется, до нитки и не переродилось наконец в бедную фразу, которая встречается под пером первого разбирателя литературы и глухо звучит там единственно по качеству пустоты своей? Разве не пресыщены умы читателей наших долголетним определением разнородных принадлежностей художественности до того, что иногда мертвые явления словесности казались им живыми образами по причине недеятельности сильно утомленного эстетического чувства? Разве, наоборот, та же причина не порождала отвращения их, по крайней мере недоверия, к талантливым произведениям, резкость и сила которых неприятно действовали на чувство, привыкшее к диалектическому порядку, логической важности и тишине? Разве толки о художественности не лишили под конец русскую публику живой, эстетической критики, которая в блестящем виде существовала при самом появлении идеи и терялась все более по мере старости и одряхления ее? Где теперь все прежние достоинства рецензии: определение творческих способов писателя, разъяснение его мысли, вся частная работа критика на данных, представляемых образцом, и открытие новых горизонтов, новых перспектив, с той точки, на которую образец уже поставил себя? где эта понудительная мысль, указывавшая автору еще множество переходов, оставленных им в стороне, а иногда открывавшая ему неожиданную даль в определенной местности? где эти взаимные и великие услуги от автора критику, и обратно, составлявшие настоящие, разумные отношения между ними? Тогда еще сильно чувствовалось, что критик обязан писателю высшею точкой созерцания, которая достигается только творческим инстинктом и до которой иногда не доходит рецензент, предоставленный одним собственным средствам! Взамен критик отдавал писателю зоркость глаза, изошренного наблюдением, который с умением подмечать все тонкие черты картины способен еще находить в самом сцеплении ее частей зародыш новых соображений и созданий. Где все эти плодотворные отношения между автором и критиком, существовавшие, например, в эпоху появления Гоголя на литературном поприще и которые, в меньшей степени, разумеется, могли бы существовать и ныне? Вошла в обыкновение какая-то игра именами, как шашками, с перестановкой их, смотря по тому, какое имя в данный час пришлось более по вкусу критика. Писатели, вместо оценки их стремлений и рода их деятельности, сводятся поминутно, как школьники, с одной скамейки на другую, понижаются с первой на последнюю и возвышаются с